

Александр Владыкин

Замок из цветной паутины

Александр Евгениевич Владыкин

Замок из цветной паутины

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30101542

SelfPub; 2019

Аннотация

Эта книга перенесёт вас в сказочный город ваших снов. Вы встретитесь с героями, придуманными вашим сознанием. Вы окупётесь в мир, который находится за границей слов: «нельзя», «этого не может быть».

Всю жизнь я мечусь, я работаю, жду и надеюсь,
Что добыча придёт, попадёт в мою сеть наконец.
В винной лавке, в углу, своих сил не жалея,
Я расставил её, возле бочки с вином.
Мимо мечтаю в пьяном азарте красотки,
Наглотавшись вина, провожают красоток мужи.
А, я заперт в углу, мне не надо ни капельки водки,
Будет всё впереди, лишь бы дрогнула сеть!
(Автор неизвестен)

Глава 1

Нас притащили под купол и бросили на окраине города, если это можно назвать городом. Я радовался, что эти собиратели всепланетного мусора, оставили нам каркас корабля. Хоть была крыша над головой. Это был фирменный грабёж: демонтировали всё, более-менее ценное и то, что ещё можно было продать. Я все свои страховые деньги вложил в эту яхту. Первое время нам везло. Моё прогулочное судёнышко даже давало прибыль. Почта, музейные экспонаты, малый каботаж, дипломатические краткосрочные вояжи, бартерные межпланетные рейсы, и прочие мелкие заказы, входившие в зону наших интересов, давали оптимистичный рейтинг, для существования моего бизнеса. Я достиг того возраста, когда не гонятся за славой, за ложным патриотиз-

мом. И материальные ценности, на весах моего сознания, стояли гораздо ниже духовных. Жили мы аскетично, но ни в чём не нуждались. От соседа по лестничной площадке, мне досталась «ДОРА», детская игрушка, создающая иллюзии в голове, я целыми днями пропадал в игре. Это был полусон, я общался с иллюзионными картинками героев, подкинутых мне Дорой. Кот, и спал, у монитора корабельного компьютера. Драго, ах драго, мы так мало знаем о существах планеты Драконов. Драго сидел в горшке, смиренно тихо цвёл. У него был период вегетации, он ни с кем не разговаривал, только улыбался какой – то глупой блаженной улыбкой. Кот, когда ловил мой взгляд, пытался стыдливо оправдаться:

– Это не я! Честное слово, не я!

Для кота такое положение вещей на корабле было уда-ром, кто мог подумать, что самый классный парень корабля и лучший друг, на поверку оказался бабой. Ему было скучно, никакой компьютер не заменит тех приключений, в которые они попадали с триффидом, придумывающим множество игр; и Дирижаба влезал туда, куда не следует. На этот раз он умудрился сбить маршрут корабля, испугался, понял, что натворил. Попытался исправить, окончательно разбалансировал программу штурмана, спалил два предохранителя в компьютере и убежал, спрятавшись в корабле. Моя ошибка! Я слишком много им позволяю, забывая, что их умственный уровень, не превышает уровень развития пятилетнего ребёнка. Кот испугался наказания и убежал, не предупредив

меня о сбое программы и корабль, как, избавившийся от пут, мустанг, рванул в прерию космоса, подальше от этой надоевшей арены Млечного пути. «Дора» меня втянула в свои сети, и я смог оторваться от игры только тогда, когда космические «осы», не только пробили его оболочку, но и повредили реактор, оставив яхту без питания. Мне уже было не до Дирижабы. Космос таит с себе множество неприятных сюрпризов, «осы» – одни из них. Они совершенно непредсказуемы, появляются небольшими стайками в межгалактическом пространстве. Никто не знает из чего состоит структура материала этих метеоров, не убиваемых квантовой защитой. Но эти, сверхпрочные твари, способны уничтожить весь межгалактический флот вселенной. Учёные предположили, что «осы», это то, что не могут переварить чёрные дыры и не в силах пережевать, выплёвывают их назад в космос, в виде этих полосатых бестий. Ещё разумные не придумали такой ловушки, чтобы поймать хоть одну осу. Зато видео наблюдений за этими созданиями множество. Этот сверхпрочный материал, был напитан, какой-то, ещё не изученной энергией, которая покрывала весь метеор концентрическими жёлтыми кругами, придавая ему сходство с полосатым телом земной осы. Отсюда и название. Осы, мало того, что пробиwali корабль, они прожигали его насквозь, убивая всю электронику корабля, попавшую в зону действия осы. Я подводил итог: реактор повреждён, топливный запас уничтожен полностью, компьютер восстановлению не подлежит, сред-

ства связи и маяки вступили в межгалактическое общество глухонемых. В живых осталась одна из солнечных батарей, «Дора», и старый допотопный фонарик – мечта детектива. Но это было не всё: яхта тонула в объятиях черной дыры и медленно, нарезая большие круги, приближалась к её эпицентру. Я, вспомнив арифметику четвёртого класса, сделал подсчёт времени нашего падения. Ответ на задачу, заданную целым комплексом случайностей, был вполне оптимистичным: – Ты умрёшь! Но умрёшь не сразу. Корабль будет падать не менее дух тысяч лет, если его не подтолкнёт кто-нибудь. Мало ли шутников в этой вселенной? Системы жизнеобеспечения корабля не пострадали, кот спрятался, и я снова уткнулся в игру, чтобы не видеть идиотской улыбки триффиды.

– Мама, я сегодня пойду на детскую площадку и сделаю предложение Люси.

– Тебе уже сорок два года Фанто, и ты каждый год женишься на этой вертихвостке.

– Мама, не смейте так отзываться о моей невесте.

Кто-то пытается влезть под моё одеяло и дрожит от нетерпения. Кажется, и для «Доры» не прошла бесследно атака полосатых, я ещё до детской площадки не дошёл. Я снял видеоскрин с наушниками. Под одеялом был кот и сильно дрожал, но, когда я услышал стон вскрываемого металла, как будто огромный консервный нож прошёлся по оболочке корабля,

задрожал и я, одному только растению было всё пофиг, он улыбался, балдел от своей триффидной беременности. Через, минут двадцать в нашу комнату зашёл чужой, с бластером средней величины и парой осветительно-шумовых гранат, висевших на поясе рядом с десантным штык-ножом.

– Стучать надо! – сказал я на общегалактическом. Меня послали по – тиллуриански, с правильными ударениями и окончаниями. От неожиданности я придавил кота, тот заорал благим матом, чужой нажал на гашетку бластера и прожёл дыру над моей головой, в корпусе корабля. Воздушная смесь со свистом начала выходить с помещения. Я вспомнил, что автоматической герметизации не будет, поломан корабельный компьютер, перевёл рычаг герметизации оболочки корабля в ручной режим, услышав, как отработали пневматические клапаны и жидкая субстанция будущей заплаты направилась к месту повреждения. Прошли буквально секунды, но кошка, вместе с чужим, снявшим свой десантный шлем, делили одну маску с живительным воздухом. Я по гимнастике йогов, мог надолго задержать дыхание, и пока происходила герметизация, я рассматривал незваную гостью. Это была первая тиллурианка, встреченная мной за многие годы скитаний в космосе. На вид ей не было ещё тридцати, с красными распущенными волосами, с небольшим шрамом возле верхней губы, который её совсем не портил, волевое лицо тёмно-зелёного цвета, говорило, что её родители выходцы с севера Тиллура. Я по тиллуриански

спросил, как её зовут. Девушка вздрогнула, услышав родную речь, и назвала своё имя. Для простоты общения с тиллурианкой, я представил ей Дирижабу и триффиды, для которых она была Тия. Просто Тия, без всяких прилагательных и сказуемых. А, то я хорошо изучил моих домочадцев, которые между собой меня называли зелёным, Фантомасом, крокодилом, в лучшем случае Фанто, в худшем дерьмо генсовское. Тия сказала, что у неё тоже любимчик есть, чистый тиллурианский серд, только он большой, старый и держит она его в клетке. Я ещё помнил сердов, их в природе осталось очень мало, жили в вольерах на территориях, похожих на земные зоопарки. Серды были умны и совсем не агрессивны, что их и погубило. Жители Тиллуриана были жестоки, очень жестоки, боги наказали их, лишив планеты, вместе с её обитателями. Теперь мы, как изгои, вынуждены вымирать в других мирах.

Всю энергию звезды в себя впитывали огромные Луны, отражая её смертоносные лучи; Гурим из клана ночных ксенов проводил ритуал вечности, готовя себя к новым испытаниям временем. Прошлый раз ему удалось переместиться на какую-то планету, даже успел материализоваться на несколько секунд, пока не увидел блох, похожих на зелёных обезьян дикой сельвы, с острыми иголками в руках. Гурим испугался, испугался нарушить равновесие этого мира своим появлением. Он почувствовал, как колебнулась ось все-

ленной. Тогда он вернулся домой. Он не мог поднять голову, чтоб посмотреть в глаза своему учителю. Время для ксенов было абстрактной величиной, оно не подлежало даже приблизительному исчислению. Все просто знали, что оно есть и привязать его к движению планеты, к орбитам Лун или к другим спорным физическим величинам, как масса или скорость света, с синхронностью импульсов пульсаров, в его мире считалось непредсказуемой глупостью, не согласующейся с законами построения планеты. Ксен не помнил, было ли у него детство. Когда он относил свою первую бороду и на голове стали проявляться залысины, учитель сказал, что даже научившись ходить по воде, ты не станешь мудр. Научившись владением своего тела, подчинив его разуму, ты прошёл только первую ступеньку бытия. Научись подчинять свой разум, чтобы, не он командовал тобой, а ты был его хозяином! И учитель растворился в воздухе, как будто, кто-то отключил питание зеркала обзора. Учитель ставил в пример существо из далёкого мира, сумевшего с помощью своего разума, накормить целую планету, не приложив особых усилий. У Гурима прочно, в голове, засела эта сказка. Это наверно и было детство, – подумал ксен. Он не помнил, куда пропал учитель, как кончился период познания мира, и себя в нём. И если Тиллур он представлял песчинкой, а города атомами, то, кем был он? Голова начала болеть от нахлынувших философских мыслей. Сегодня не выйдет перемещение, – подумал Гурим, с таким набором мыслей может зане-

сти туда, откуда нет выхода. И он вспомнил, как при первых своих попытках перемещения в пространстве и времени, попал на планету, не имеющей суши, наполненную до краёв агрессивными существами. У него, как напоминание, остался шрам на одной из ног, после посещения этого вселенского террариума. Жалко, что не запомнил координат, ему понравились атакующие монстры, но больше понравилось, как они потом убегали из зоны, где их надували, как шарики, и крокодилоящеры вместе со смертоносными медузами, разрезали толщу воды, чтобы взлететь над поверхностью планеты, создав, с помощью ветра, колесо обзора этого мира. Тогда у ксена и родилась мысль, создания куполов. Первый купол был создан в водах этого океана смерти. Вокруг купола плавали раздавленные и искорёженные тела монстров, населяющих эту планету и представляющих элиту пищевой цепочки этого мира, и их никто не ел. Ксен, ненамеренно, создал для себя безопасную зону. Ему понравилось. Он запомнил это перемещение, получив первый урок на всю свою дальнейшую жизнь.

Сигнал пробился в мой мозг, через барьер расстояния. Сигнал был настолько силён, что я почувствовал запах озона, испарившийся со лба передавшей его женщины: – Спаси моего ребёнка, серд. И ужас объял мои мозги. Я всё увидел глазами этой женщины. В моём распоряжении было меньше суток. На сборы времени не было, и через двадцать минут

я приближался к центральному космическому порту с узелком в зубах. Детёныш зелёной обезьяны спал, не создавая дополнительных неудобств. Я временно усыпил охрану и пробрался со своей ношей в багажное отделение. От обезьяньего плода не хорошо пахло, и оно пыталось влезть своей хвостинкой в мой нос. Я положил пакет на контейнер и чхнул. Весь космос окрасился в цвет голубых молний со спектром молодых звезд. Никогда не думал, что чихание сердца в космосе, способно производить такой эффект. Воздух начал уходить из багажного отделения, и моя ноша начала плакать и задыхаться. Кто – то вошёл в мой мозг, и сделал купол, на борту межгалактического торгового корабля, в его багажном отделении, перенеся все системы жизнеобеспечения в это изделие. Под куполом появился воздух, и ребёнок перестал синеть, и предпринимал попытки покатиться с контейнера, и шмякнуться на пол, я едва успел перехватить его зубами, и опустить на свои мягкие лапы. Оно издало интересный звук (позже я узнал, что это смех, малышу нравился мой мягкий мех). Оказывается, дети обезьян, едят то же, что и серды, только мало, очень мало. Нашему обезьянёнку достаточно было крошек со стола и тёплой воды с утра, в которой, эта зелёная, полоскалась целый час, используя вместо полотенца мою шкуру. Бог не дал мне самку и у меня не было детей, этот плод зелёной обезьяны и заменил мне детёныша, а через полгода оно сказала первые слова на сердском.

Дирижаба меня тянул на выход, мне самому было интересно, куда мы попали и где мы находимся. А если честно, то голод не тётка, эти агрессоры-бармалеи, вместе с их зелёной предводительницей, опустошили весь запас натуральных продуктов, не притронувшись к заменителям. Заменители никто не ест: сначала ты толкаешь в рот этот синтетический маргарин, потом, добравшись до желудка и попробовав на ощупь его стенки, он начинает есть тебя, с полной уверенностью, что ты его не достанешь, и не будешь смазывать им колёса какой-нибудь космической моторизированной тележки. На входе в яхту нас ждал человек, я приблизительно догадывался с какой он планеты, даже страну мог угадать с вероятностью до девяносто восьми процентов. Он попытался на общегалактическом объяснить, что он комендант города и его направили к новичку, чтоб он провёл экскурсию. Я понял, что ему очень трудно даётся общегалактический язык, позволил ему перейти на родной. Он меня ошарашил своей литерной мовой, которая состояла из семи языков, два из которых мёртвые и похоронены на еврейском кладбище в городе Одесса. Говорил этот Сёма с чудовищным акцентом, хотя бил себя в грудь, что он чистый украинец из Жмеринки. Я спросил у Дирижабы:

– Ты когда-нибудь видел чистых жмеринских украинцев?

Кот подумал:

– Лока! Вылитый дядька Сёма.

Перед нами открылся шлагбаум, и мы вошли в город, по

металлическому тротуару. Над нами было голубое небо, под куполом, который тяжело было представить, он физически казался безразмерным, и только отблеск светофильтров от бликов звёзд, подчёркивали искусственное происхождение этого сооружения. Перед нашими глазами открылся мегаполис.

– Новый Тиллур! – сказал Сёма. У меня на глазах появились слёзы, вы даже не представляете чувств тиллурианина, потерявшего свою планету.

– Я вас отведу на самый большой небоскрёб, чтоб вы увидели всю красоту нашей страны.

Сёма больше показывал, чем говорил. Крыша небоскрёба почти упиралась в купол, но выйдя на балкон обозрения, широким эркером вписавшийся в архитектурный ансамбль здания, я не почувствовал привычного высотного колебания, и воздух был свеж и не разрежен. Но, даже с небоскрёба, я не увидел границ этой страны. Работали крупные заводы, получающие достаточно воздуха для своих технологических процессов. Я спросил коменданта:

– А, куда уходят выхлопы этих заводов, я не вижу труб?

Сёма почесал голову:

– Я не силён в технологиях. Наверное, под землю – в химкомбинаты.

В центре было всё, как в крупных городах тех планет, на которых мы побывали: аллеи, фонтаны, скверы, памятники и голуби. Я бы сказал, что эта мега страна была похожа на

Рим или Токио, если бы не знал, что это не земля, и этого нет ни в одном атласе вселенной. Сёма меня убил величием этого мира. Даже Дирижаба, забрался ко мне на голову и сидел тихо с открытым ртом. Кажется, жизни не хватит, чтоб обследовать эту страну.

– Чикаго! – удивилась увиденным белка. Они с триффидом нахватались слов из мультфильмов, для них всё достойное восхищения – Чикаго.

Я не знаю, куда направлялся этот корабль, и какая цель стояла перед экипажем. Перед нами стояла задача выжить, во что бы не стало. Это обезьянье производное лазило по мне, как по скрипучему дивану, стремясь попасть в нос или в ухо; ногами и руками упёршись в веко, пыталось открыть глаз, когда я медитирую. И часами могло вертеться перед глазами, отражаясь в них, как в зеркале. Но корабль не дошёл до цели, один из членов экипажа, оставшийся в живых, рассказал, что им не хватило всего двух парсеков до космического порта Квантамы. Пираты атаковали мирный корабль, не имеющий достаточной защиты и вооружения, в самый неподходящий момент, когда командир отдал приказ приготовиться к прибытию в пункт назначения, и большая часть экипажа находилась в скафандрах приводя в порядок оболочку корабля от художеств мелких метеоритов и избавляя её от космической пыли. Удар был нанесён резко и быстро: бандиты, угрозой лишения жизни пленников, заставили

командира открыть шлюз, и дальнейшие их действия шли по их расписанию многократно проведённых захватов. Глава космических корсаров держал в руках корабельный журнал, рядом двое подчинённых надели на капитана корабля, поставив его на колени и вывернув всё из его карманов. Во-первых, небрежно прошёлся взглядом по семейным фотографиям капитана (где он, с двумя взрослыми дочерьми, на пикнике, возле какого-то озера), его интересовал багаж, женщины, спиртосодержащие напитки, топливо. Он знал, что наркотики на корабле одиночке не перевозят; по межгалактическим правилам, подписанных всеми торговыми лигами и ассоциациями, для сопровождения особо токсичных и взрывоопасных веществ, к которым отнесли и наркотические, составлялись целые караваны из кораблей, охраняемые армией хорошо подготовленных и обученных наёмников. Пираты, как стайка шакалов, боялись даже близко приближаться к таким караванам, они прятались среди груды метеоритов, частенько встречающихся в просторах межгалактического космоса, скрываясь от радаров военных кораблей. Зато, перед мирными сухогрузами и контейнеровозами, они не стыдились показать свои волчьи клыки, и наигравшись, как тигр со своей жертвой, старались не оставить следов, и убив всех членов корабля, выкачав все горючее, ограбив систему жизнеобеспечения, пропадали в космосе, чтобы появиться перед другим неудачником. На этот раз, всё произошло по нарисованному сценарию, бандиты только заглянули в грузовой

сектор, убедившись в его пустоте. Корабль шёл за товаром с места прописки, не неся в своих отсеках попутного груза. Вожак был зол это был пятый корабль, следующий на Квантаму за грузом, оставивший его без добычи. Свою злость он обрушил на этих – рабов контрактов, и его храбрые войны не пожалеют, о том, что назвали его Зелёным мясником. Он ненавидел тиллуриан, его бесило, когда приходилось пролетать над планетой двух лун. Рождённому совсем в другом конце галактики в пустынях Арикари, ему казалось издевательством мироздания – появление на чужой планете людей, внешне похожих на него, и если бы не язык и слабое телосложение, то их вполне можно было спутать с Аруном. Зелёный мясник оправдал своё прозвище, оставив пустую консервную банку, представляющую собой бывший космический корабль, наполненную штабелями трупов. Семейные фотографии капитана, испачканные каплями крови, летали в вакууме, проникшем в каюту через отверстия, прожжённые бластерами в корпусе корабля. Система герметизации не справлялась с многочисленными повреждениями судна. Я, осмотрев корабль, вытащил тело одного из пострадавших, в которого ещё можно было вдохнуть жизнь. Эта старая обезьяна была женщиной, и как выяснилось – штурманом корабля. Я затащил её под купол и провёл ритуал рождения обезьян, возвратив её душу в место её прежнего пребывания. Ребёнок прыгнул на грудную клетку спасаемой, и раздался первый вздох. Мне понравилось управлять строптивой ма-

лышкой, этот обезьяний детёныш поддавался дрессировке. Корабль, лишённый управления, попал в зону метеоритных течений и, увлекаемый более массивными спутниками, смещался в сторону чёрной дыры, имеющей множество названий, а на вселенском атласе, отмеченной цифрой восемнадцать. Женщину звали..., как упрощённый вариант, я оставил для себя – Рина. Она была коренная тиллурианка, большую часть жизни проведшая в космосе, из воспоминаний о планете у неё остались: детское обучение и подготовка межгалактических штурманов. Система жизнеобеспечения, ещё худо – бедно, работала, выдавая искусственные жиры и аминокислоты. Как эти обезьяны это едят? У меня на всю жизнь осталась оскомина, после этой космической колбасы с запахом аммиака. Но деваться было некуда. Мы плыли по течению – в бесконечность, поддерживая друг друга сказками о спасении. Рина и рассказала мне о гибели Тиллуриана. Я, незаметно, прошёл период создания семьи, и её слова, отразились горькой болью в моём сердце, похоронив надежду на возрождение племени ксенов.

Глава 2

Комендант Сёма закончил свою экскурсию по городу у биржи труда, где меня заставили заполнить бланк прибытия, это была обычная бюрократическая процедура. Больше всего я задержался на графе знания языков, избавив себя от лишних расспросов, я записал – общегалактический, рядом со своим тиллурианским. Отметившись в графе, что я же-

лаю получить гражданство Нового Тиллуриана, тем самым, я, автоматически, получил право на работу в этом мире. На бирже мне сказали, как только закончатся формальности с предоставлением мне гражданства, то добро-пожаловать к нам, и мы подыщем вам работу. На прощание дали брошюру с базой вакансий, и с улыбкой выпроводили за двери. Дирижаба занял: – Есть хочу. У самого в желудке кошки скребут, но при одном воспоминании о корабельном маргарине, плохо стало. На обратном пути, я старался избегать продовольственных магазинов, но мы не удержались. И попали в один из гипермаркетов планеты, на презентацию тортов. Дирижаба тащил меня за собой, издевался, предлагая скушать ещё кусочек самого эксклюзивного десерта. В руках у него была коробка для триффиды. Дома нас ждало горе и неожиданность, что немного его смягчило. Дома, вместо триффиды, который уже не улыбался, а лежал высохшей пожелтевшей травой на полу, нас ждала куча маленьких голодных триффидят. Их было шестеро. Не нужно быть специалистом, чтобы определить пол новорожденных: среди них было пять девочек, в приспущенных природных парашютах, в виде юбочек, и один хулиган; он даже при представлении не скрывал свой выросший отросток, чуть повыше корней, заменяющих бонсаю ноги. Дирижаба, оскорблённый в своих искренних дружеских чувствах беременным трифидом, которого, про себя, называл трансвеститом, приблизился поближе, чтобы осмотреть достопримечательность у малыша, но при первом

же касании, получил колючкой в нос, и с воем отскочил в угол. Так мы и познакомились с новыми жильцами нашего отлетавшегося корабля, среди которых выделялся своим крутым нравом – драгончик-скорпиончик. О последнем будет отдельный разговор; он с первого дня пытался зарекомендовать себя в этом мире и иногда ставил меня в такое положение, перед жителями этой планеты, что я от стыда готов был провалиться под поверхность, если бы там не было химкомбинатов, разлаживающих всё на молекулы и атомы, похлеще соседок старушек, сидящих на лавочках, перед своими домами.

Нас прибило к мусору, целый остров космического мусора в просторах вакуумного океана. Такое ощущение, что его собрали со всей вселенной, и подкинули поближе к зоне чёрной звезды. (Так оно и было. После принятия законов об утилизации космического мусора на планетах, специально приспособленных под это.) Нам уже надоело скитаться по космосу по воле метеоритных течений, я принял решение, соорудив небольшой купол в мусорной зоне, окружив останки нашего корабля. На большее у меня сил не хватило, я берёг их для создания жилья. Мой организм отключился для медитации и накопления энергии из космоса. Я успел предупредить Рину, чтоб не подпускала ко мне ребёнка, нарушающего циклы медитации. Я просто мог не вернуться в этот мир, навеки оставшись в информационном простран-

стве космоса. Рина закрыла меня в клетку, ограничив доступ детёныша зелёной обезьяны. Это было гениальное решение, только малоэффективное. Это я понял позже, когда вернулся из странствий в лабиринтах знаний. Рина говорила, что пришлось с ремнём караулить малую у клетки. Ребёнку было скучно без мягкой и доброй Бибики – это она меня так называла. Сначала крошка пыталась открыть замок, используя всё, что было на корабле: от булавки до маленького домкрата, потом налила в кружку воды и пыталась разбудить Бибику, вылив воду в его лицо. Но пройдя через горячую защиту и отстояв в углу, ребёнок придумал единственно правильное, для его идеи, решение – он нашёл силу живого огня, и с помощью него решил добиться своей цели. Рина говорила, что у неё волосы на голове стояли, пока она боролась с пожаром на корабле. Стоило на пять минут отвлечься. Благо, пустых клеток на корабле хватало, и если нужно было что – то сделать, то обезьяньего ребёнка приходилось закрывать, как сердца. Рине, бедной, и по ночам приходилось спать одним глазом.

Вселенский разум решал глобальные проблемы, мимо, как тени, мелькали сущности, добившись аудиенции; как в поликлинике – все проходили без очереди, мне же приходилось ждать в позе индийского йога. Гурим открыл свой мозг, ему нужен был совет. Он боялся разрушить вселенную, которая, как стеклянный шарик повисла на дереве вечности.

Одним только неосторожным движением можно было превратить этот мир во всё пожирающий огонь – в пустоту. Он чувствовал колебание оси вселенной, совершая свои переходы во времени и пространстве. Он не знал – имеет ли он право, чтобы что-то взять в чужих мирах, или, наоборот, что-то оставить, кроме памяти случайных свидетелей о его кратковременном присутствии. Гуриму нравились планеты дикие, не покорённые, хищные. И не редко стадо безобразных динозавров, покрытых слоистыми пластинами, похожими, по основе, на кевларовую, вставало в недоумение, при появлении сердца, своим видом и обманчивым добродушием, напоминающего величественного Мاستифа. Только этот игривый щенок был на голову выше любого ящера, и он был голоден, очень голоден. Гурим, таким образом, решал проблему насыщения энергией своего тела. Но не за этим он пришёл к разуму Космоса, он хотел насытить душу. Гурим был ещё молод и полон сил. Он хотел построить дом, город, планету, империю. Гурим, не раз, осуждал себя за то, что выбрал тело сердца, кто думал, что после путешествия в чужие миры, возвращаться было некуда. Его тело, вместе с планетой Тиллур, утонуло в нирване вечности. И только старый потерянный добрый серд смог принять его. Гурим ловил отголоски мыслей этого животного, пытался привыкнуть к новой аскетичной обстановке, к окружению тиллурианок. Только не мог привыкнуть к телу собаки. С этими лапами и лопухами, растущими из головы, город никогда не построить. Быв-

шее тело Гурима имело восемь рук, и сам он был больше похож на паука, только паутину плёл из мыслей в голове врага. Гурим с лёгкостью мог победить любого противника, заставив его делать то, что хочет сюзерен (властелин). Только самкам своего рода он не мог противостоять, в брачный период они делали из Гурима «обёрточную бумагу», мешая и подчиняя его мысли, опустошая его мозг. Гурим вздрогнул. Он потерял своё племя вместе с гибелью планеты, в мирах разумных не было ему подобных. Автоматически, страх перед женским полом, переключился на его спутниц. Эти зелёные тиллурианки на планете были его врагами. Он любил подшучивать над этим племенем, путая им пути, и зная про арахнофобию этих существ, любил появляться со зловещим видом, в самых не предсказуемых местах. Но всё это было в той жизни, а эта, как и его новое тело, было ограничено куполом и грудой металлического мусора. И тиллурианки, и серд, и сам Гурим были с одной планеты и связаны одной болью.

– Что ты хотел? – раздался голос разума.

Гурим рассказал о своих проблемах, основной упор делая на несовершенство своего тела. Космос не долго думал, читая его мысли. Он ответил просто:

– Не можешь сам? Заставь другого. Ищи единомышленников. Не хватает дня – есть ночь! Думай и делай. Победи свой страх!

Гурим вышел с медитации, отнявшей его последние силы.

Тиллурианки спали. Гурим улетел на охоту, дав свободу сердцу, который скрутился в калачик и по методу женщин, завалился спать. Он знал, что скоро придёт сытость и тело вновь напитается энергией. Гурим мог охотиться целую вечность, и каждая секунда под куполом этого мусорного времени, была всего лишь годом, проведённым в чужих мирах. На этот раз Гурим, впервые, притащил под купол мяса и злаков. Он не особо разбирался в тиллурианской еде, но, по-моему, это было похоже на рис. Гурим смеялся, вспоминая, как он заставил мелких ящеров ползать по воде, собирая этот рис и пакуя его в гнёзда первобытных птиц. Так в этих природных амфорах, голем сердца и приволок их в клеть. Рина проспала, не укараулила малую, а когда проснулась, то не увидела ни малой, не собаки, за тушей огромного животного, похожего на быка. Дверь в клеть была взломана, с помощью посудомоечной машины и рычага Архимеда, а сам диверсант – уставший, но счастливый, зарылся в мягкой шерсти сердца и досыпал прерванные сновидения. Серд внимательно смотрел на малышку, боясь её побеспокоить. У Рины отлегло от сердца. Она обратила внимание, что рядом с тушей, были какие-то сосуды, сплетённые из глины, камней и травы. Она заглянула в один из них. Там были какие-то семена, похожие на рис, но очень крупный рис, каждая рисинка была с крупное птичье яйцо. Гурим решил первым заговорить с тиллурианкой:

– Здравствуй Рина! – поприветствовал он её в ментале.

Рина, от неожиданности, уронила на ногу рисовое яйцо и

вылетела из клетки. В её голове ещё долго звучало эхо от этого приветствия. Рина не помнила, зачем она схватила швабру и против кого она собиралась сражаться? Рине никогда ещё не приходилось встречаться с говорящими яйцами. Я, наверное, сошла с ума, – сделала вывод тиллурианка, а мясо с яйцами, это плод моего воображения, от постоянного недоедания и маргариновых паст, выдаваемых автоматом питания. Рина осторожно вернулась в клетку, с ножом в руке, приблизилась к туше, потрогала, отрезала кусок строганины и не поверила, пока не вгрызлась всеми зубами в плоть быка, захлёбываясь слюной. Мясо было сырым, но свежим и вкусным, после года употребления этого майонеза из белков, жиров и нуклеиновых кислот, Рина впервые наелась. Может быть ей только показалось, но постоянно мучающий её голод пропал. Она пыталась разбить яйцо, яйцо не билось и ножом не резалось. На камень, вроде, не похоже, подумала женщина. Серд внимательно наблюдал за тиллурианкой, ребёнок начал уже просыпаться, зевая и потягиваясь на собачьих лапах. Наконец, малышка открыла глаза. Она никогда не видела быков, никогда не видела риса и никогда не видела воспитательницу с ножом и большим куском надкушенного мяса, испуганно вертящей головой по сторонам.

– Соли забыл принести, – опять разорвался ментал.

Рина подскочила и выкинула горящее мясо. Серд его слизнул с пола и попросил добавки. Больше в корабле никого не было. Опять в голове раздался голос:

– Кости оставь собаке, а мясо лучше поджарить, а рис сварить.

– И то так, – согласилась сама с собой тиллурианка, и, как бы советуясь со своей головой, отрезала мяса и пошла в кухонный отсек – делать отбивные, малая увязалась за ней.

Гурим, с помощью сердца разделал тушу и отправил её в холодильник. Вы знаете, вакуум в космосе – это самый безотказный холодильник в мире, всё замерзает мгновенно и надолго, правда на корабле холодильник с утеплителем, температура ниже минус пятидесяти градусов по Цельсию не опускается. Холодильник был большой, рассчитанный на целое стадо слонов, но мы не привередливы в еде, нам и одного быка на месяц хватит. С кухни доносился аппетитный запах, пробивающийся, через скворчащие на сковороде отбивные. Серд потянул носом воздух, напоминающий ему детство. Быка мы сожрали за неделю. От переедания даже на охоту не было сил.

Девочка на сердском научилась говорить быстрее, чем на тиллурианском. Языки совершенно разные, и если сердский требовал внимания, то другому нужен был слух и память. Рина относилась к преподаванию языка тщательно и не давала поблажек единственной ученице, при изучении мёртвого языка. Поэтому малышку часто можно было видеть играющей с «Бибиной» и распевующей тиллурианские глаголы. Ребёнок схватывал всё на лету, но за неимением других

игрушек, кроме «Бибики», девочку тянуло к технике. Рина знала, если мелкая внимательно наблюдает за работой пылесоса, то завтра это гудящее изделие, само превратится в мусор, разобранное на мельчайшие детали. Разбирать у малышки получалось прекрасно, без помощи инструментов, а вот собрать назад – не всегда. Она уже третий день пытается, но вместо пылесоса получается непонятно что: плюющееся мокрой грязью, ругающееся на трёх языках и показывающее рекламные ролики про гигиену. Тогда Рина бралась за веник и в ближайшее время про цивилизацию можно было забыть, над кораблём повисли, вычеркнутые из школьной программы, глаголы с местоимениями, относящиеся к конкретному лицу.

Заботу, о потерявших свою планету, Ксен взял на себя, и маленькая тиллурианская женщина не нуждалась ни в чём, одновременно он пытался настроить купол. Ему удалось создать атмосферу, защиту от космического холода, и уловители энергии звёзд. Со всем, что было объёмным и массивным Гурим справился легко, но с остальными мелочами, требовались виртуозы-помощники. Он искал их по всей вселенной – своих единомышленников. Ему приходилось, принимая образы аборигенов, часами торчать у дисплеев информационных систем или в библиотеках, переворачивая горы фолиантов, в поисках людей, строящих свои города.

– Джованни, где ты запропастился негодный мальчиш-

ка? – старый сапожник пол дня не мог найти своего сына. Соседская девчонка сказала, что он, вместе со своими сверстниками, ещё с утра подался в старые доминиканские пещеры, которые находились в двух часах пути от села. Они, как магнит, притягивали мальцов. Наслушавшись героических историй про бесстрашных рыцарей-монахов, сражающихся с демонами бездны, с переплетением героев арабских сказок, любопытство детей приводило их к этим пещерам. Пришлось сапожнику Кампанелле бросать все дела и самому относить долг молочнице, каждый раз, обещая проучить сына, отбившегося от рук. Кампанелла жалел пацана, растущего без ласк матери. Его угрозы забывались, как только в руки попадало шило, и сапожник мог с увлечением продолжать выполнять свою работу. У Джованни был план, на этот раз они решили составить карту пещеры и обыскать каждую природную галерею. Ведь в историях про доминиканских монахов, только и говорилось о несметных сокровищах, спрятанных этим орденом, отвергающим богатство – как основное зло, для человеческой души. Джованни иногда приходилось прислуживать в корчме, в счёт оплаты церковного налога и он слышал эти сказки от проезжих монахов, не обрамляющих себя в еде и питье. Монахи философствовали о нищенстве за столами, заваленными снедью; размышляли о вреде золота, а для маленького мальчика – найти клад, это было спасение от той беспробудной нищеты в доме, где хлеб не каждый день на столе. И на этот раз не повезло..., Джован-

ни поставил лопату на место. Отец уже спал, он укладывался с первыми потухшими лучами солнца, как только глаза уставали следить за стежками на грубой некрашеной коже. На столе малого ждала кружка молока и калач, принесённый молочницей. Во сне мальчик видел себя в пещере, возле подземной скалы. Ему показалось, что скала живая, смотрела на него и улыбалась. А утром пришёл монах, переговорил с отцом, и началась для Джованни совсем другая жизнь.

И я нашёл. Меня сам Космос привёл на эту Землю. Я нашёл первого гения, построившего свой Город Солнца, в своих мечтах. Только я не угадал со временем, пообещав вернуться в этот мир, как только разберусь с этим делением вечности на года, минуты, секунды. Ради осуществления своей мечты, приходилось заниматься и подобными глупостями. Рина просила меня принести пряности, ссылаясь на тиллурианские названия. Но и в Космосе было своё табу, я не мог взять что-либо из погибшей планеты. Нельзя переместить во времени то, чего нет, и родить то, чего не существует. Пришлось Рине самой разбираться в том мусоре, что я собрал со всей вселенной. Она заставила меня дегустировать это. (Бедный серд, лежал перед зеркалом и пытался пережевать пригоршню лаврового листа. Я тайно наблюдал за его реакцией. Но когда он попробовал самый маленький горький перец, обильно смягчённый русской горчицей, я понял, почему в этой холодной северной стране, даже собаки, иногда

превращаются в Змеев-Горынычей. На все мои умственные приказы, серд отвечал чисто по ксенски – обещанием отправить меня в самую ненасытную часть ксенской самки.) Единственно, что спасало, это то, что от этой дегустации никто не умер и еда, приготовленная зелёной женщиной, действительно, стала вкусней.

Имя не дают, имя выбирают. Гурим помнил, как последним вывалился из гнезда и когда добежал до стойки с подвешенными именами, ему досталось то, что никто не пожелал взять. Так он стал Гуримом – «непослушный», «тупой» по ксенски. Сначала он дрался со всеми, кто смеялся над его именем, потом привык, а сейчас, даже воевать не с кем. Если бы его кто увидел в образе сердца, то Гуриму, до конца жизни, не отмыться было бы, от такого позора. Только нет этих умных, успешных, красивых и желанных. Гурим даже здесь умудрился стать отверженным от своего народа. Первый разговор с молодым учёным Кампанеллой произошёл неожиданно. Гурим ещё не успел войти в образ, стоял у Сены, любясь её течением и чистотой речной воды. Когда один из молодых художников подошёл к нему с просьбой позировать живописцу. Старая потёртая ряса, заправленная в штаны, выдавала в нём неудачно маскирующего богослова. Это и был Джованни Кампанелла, взявший себе псевдоним – Томаззо, построивший город. До нашего разговора у него и мыслей не было о строительстве. Но первый же брошенный

камень в его мозг, дал плоды. Ксены умели заставить вассала идти в нужном им направлении. Через пару лет с ним можно было заключать контракт, мне по вкусу была его теория. Из дискуссий с мастером утопий, я узнал о исполнителях. Джованни восхищался гением Леонарда да Винчи и некого Архимеда, живших в разное время и в разных местах. Работы у меня прибавилось. Если Кампанелла меня интересовал, как теоретик и я подтолкнул его к созданию города Солнца, то оба учёных, как Леонардо, так и Архимед, меня интересовали, как исполнители, и я нашёл способ вытащить их из истории Земли, для осуществления своего плана, не внося колебания в ось мироздания. Осталось дело за малым, надо будет заключить контракт, чтобы избежать плагиата в присвоении чужих идей. И если с Леонардо получилось всё шутя и удачно, то этот вредный грек Архимед – был ещё та штучка! Его не нужно было уговаривать, мои доводы он с улыбкой принципиального математика, разбивал убийственной логикой. Я так и не смог заключить с ним контракт, мы пошли на компромисс. Он сам отвечал за свои действия, избавив меня от гарантий его безопасности. Архимеду было далеко за шестьдесят, он был амбициозен и капризен в старости. Но Архимеда увлекла идея строительства города. Если бы он знал, где и как ему было предложено строить этот город, то никогда бы не поставил подпись под компромиссным решением на документе, подsunутым этим дьяволом. Но Родина и его механизмы требовали денег, он написал, что не против

принять участие в строительстве мегаполиса, при условии, что его тело никогда не покинет границы Сиракузы. Архимед хотел обмануть дьявола, привлечь все деньги этого проекта в родной город. Но Гурим, после передачи учёному-механику денег, поставил подпись и заверил печатью документ. Строителей, прорабов и прочих специалистов Гурим набрал на периферии чёрной дыры. Вместе с мусором, поближе к звёздной клоаке, выбрасывалось столько народу, что хватило бы для строительства не одной империи. Народ стал прибывать, проходя через стаи ос, через голод, и холод вселенной. Чтобы справиться с нашествием этих масс, Гуриму посоветовали вытащить из истории какого-то Темучина, он и навёл порядок под куполом. Пришло время строить флот. И флот был построен. Не знаю, как серд, но Гурим на отдых не тратил более двух часов, для дальнейшего восстановления во время переходов. Архимед и Леонардо приступили к работе. Разум космоса сказал – не хватает дня, есть ночь, и Гурим воспользовался советом, забрав время сна, подписавших контракт. Физиологические тела исполнителей отдыхали, отдыхал и мозг, экономно тратя энергию на сны про строительство. На планете были только их проекции, Гурим купил их мозги, оставив и тела, и души в их измерениях. Исполнители руководили прорабами, всем строительным процессом по проекту Кампанеллы, вместе искоренялись допущенные ошибки, без участия исполнителей не подписывалась не одна смета, не выполнялся ни один заказ, по специфика-

циям и заявкам, на поставку материалов и оборудования. За исключением Темучина, тот, когда наводил порядок на доверенном ему участке, мог наплевать на контракты, и появлялся сам на коне с плёткой, а мог, за кампанию, притащить с собой друга Македонского. Порядок сразу восстанавливался, не взирая на разность во взглядах различных существ, рождённых в разных уголках вселенной. Архимед опять насупился, пока ему не объяснили, что всё, что он видит, ему снится; и он увидел маленькую зелёную девочку, которая прилипла к нему, как банный лист. Она, как земная белочка, приезжала на огромной собаке, породы – «механикам не наливать.» Архимед спорил с «ненавистным» римлянином, но город строился. Ему ещё было далеко до страны, ещё дальше до империи, но он уже был.

Глава 3

«Дора» пылилась в углу, спрятавшись в объятиях наушников. Было не до игр. Руководство соседней строительной площадки предложило переселение; наш хлам, в виде бывшей космической яхты им мешал, путал все планы и срывал график сдачи объектов. Драгончики, объевшись торта лежали вверх животами и стонали, вернее стонал один, самый прожорливый:

– Кто придумал эти торты? Как я их ненавижу! В жизни больше не притронусь ни к чему сладкому. Сахар и мёд – это драгонья смерть.

Он уже достал своим нытьём всех. Сладкоежкой его на-

звал Дирижаба. На этой планете родилось новое непонятное, в меру злое, но симпатичное кусачее существо – Сладкоежка. Это имя так понравилось его сестричкам, и оно так не соответствовало недовольной наддутой физиономии братишки, что невольно вызывало смех. Надо отдать должное драгончику, но после объедения тортом, он к сладкому больше никогда не прикасался, поэтому, поначалу злился, когда его называли Сладкоежкой, иногда в ход пускал свою колючку. Но город уже принял и полюбил его таким. Прораб прислал технику и строителей, чтобы помогли с переездом. Мне позволено было выбрать место своего постоянного проживания, я просто, ткнул пальцем в список, попрощался с тем, что когда-то было моей яхтой и вскоре лежал на диване в трёхкомнатном доме коттеджного типа, с выходом на бульвар, и читал перечень горячих вакансий трудоустройства на данный период времени. Мне выдали небольшую компенсацию за металлолом и временное пособие на содержание, как гражданину нового Тиллура. Мне не верилось, что на этой искусственной планете требовалось так много специалистов, но чем дальше я знакомился с профессиями, тем больше соглашался с мыслью, что я абсолютно ничего не умею. Вакансии лаборантов не было и мои глаза уткнулись в объявление:

– Требуется лоцман! Красивый, неженатый, непьющий... ну, всё про меня!

Лоцман – это, наверно, про море, тёплый берег, зелёные пальмы... -

– Да, да, и обезьяны, убегающие от полосатых ос.

Комментарии моего начальника были излишни; мне с трудом пришлось пробивать разрешение на присутствие кота и растения (про количество драгончиков я умолчал). Месяц стажировки экзамен, удостоверение пилота и я – лоцман третьего класса, на персональном глассере, допущен к работе на внешнем кольце планеты Тиллур, для сопровождения караванов с грузами. Вся моя работа сводилась к тому, чтобы собрать прибывшие корабли и провести их через метеорные потоки и стаи ос, крутившиеся вокруг новорождённой планеты до лоцманов внутреннего периметра. Их работа была аналогична моей, но сложнее в технологическом исполнении. Никакого моря и никаких чаек. Романтика откладывается на потом. Работа требовала дисциплины, жёсткого исполнения графиков и времени, каждый раз я требовал от командиров экипажей, собранных в караван, неукоснительных выполнений моих приказов. Это было в их интересах – ставкой в игре была их жизнь, а коррида начиналась с появлением первой стаи ос, которые произвольно образовавшись, сгусточными роями пролетали на расстоянии парсека от кораблей. В корабельные локаторы, эффектно, были видны эти рои. На лбах командиров появлялась испарина. Всего пятнадцать минут квазарного времени разделяло нас от опасности столкновения. За этим роем шёл следующий и так без конца. Осы являлись удачной природной защитой для планеты. И только лоцман знал, как пройти через эти смертель-

ные врата. И это был только внешний период, а ещё было два внутренних. Желаящих, на свой страх и риск, приблизиться к планете не было. Через три месяца я сдавал вахту и у меня появлялось куча квазарного времени, которое я мог потратить на свои личные цели. Я мог и хотел изучать город, появились новые туристические маршруты, среди которых мелькнули знакомые названия планет. Вам планета «Батерфляй» не о чём не говорит? А там у меня друг, и не один! А от морей, глаза разбегаются! Завалить бы на звёздный берег, в обнимки с тёплыми волнами, в поцелуи солёного ветра, вместе с Тией... ой, к чему это? Некстати землячка вспомнилась, после последней нашей встречи мы не виделись больше.

Драгошка злился:

– Дядька Дирижаба хитрый, залез командору на плечо, и в магазины пошагал. А я маленький, не успеваю, если бегу быстрее, вороны атаковать начинают, принимают за гусеницу. Приходится обороняться.

Теперь вороны с глазами, как у тётушки совы, летают. Я когда-то в карман командору влез и заснул, а ему мелочь в магазине понадобилась... с тех пор, он, первым делом, карманы проверяет, и выкладывает всё лишнее и кусачее. Сладкоежка отстал и побежал кататься на движущихся, пешеходных тротуарах. Потом подошёл к бассейну. Ему нравилось летать на голубях, обхватит птицу за шею и весь город пе-

ред ним. Он уже домой собрался, когда его клюнул воробей. Сладкоежка его не видел, он коварно подкрался сзади, наглая воробьиная рожа. Завязалась драка. Дирижаба первым увидел, «перед входом в дом, лежали два тупа, один из них ещё дышал» (из школьного сочинения моей одноклассницы). Командору пришлось срочно заниматься реанимацией. У драго шея провалилась в туловище, пришлось осторожно растягивать, воробей лежал на спине и дрыгал ногами, из редка косился на ядовитую блоху, позарившуюся на его территорию. Воробья звали Вася, местные ребяташки подкармливали его червячками, купленными в ближайшем магазине. Вася считал, что он самый главный в районе. А, тут этот – в фуражке. Драгон выздоровел быстрее и побежал мириться с воробьем, вооружённый коробкой червячков, купленных командором. Фанто знал, что подобное противостояние к добру не приведёт. Маленький мир, всегда лучше большой войны. Первое время, Вася закрывал от страха глаза, и отказывался от пищи, но они (червяки) так соблазнительно шевелятся! Воробей оказался настоящим симулянтом, носился по комнате играя с драгончиком, но при нашем появлении, падал на спину, делал страдальческую физиономию и болезненно, в конвульсиях, дрыгал лапками, выпрашивая деликатесы. Первым его раскусил Дирижаба, случайно ночью встретив Васю, перед открытым холодильником, с вязанкой колбасы на шее. Белка вышвырнула этого наглеца за порог, и сказала:

– Только через мой труп! Позор воробьям расхитителям!

Холодильник для кота – это дело святое. Дирижаба был главным экономистом нашей семьи, он отвечал за уборку в доме и за то, что и где купить, и чья очередь мусор выносить. Сорят все, а мусорное ведро выносить, почему-то, моя обязанность. Сестрёнки-драгончики устроились волонтерами в санэпидстанцию, Сладкоежка пропал на улице, дрался с воронами и ходил в гости к воробью, который жил на крыше, по соседству с голубями. Дирижаба в этот раз деньги зажал, а вот через вахту... пообещал на «Батерфляй» в туристическое путешествие билет купить, а девочки – санитарные справки сделать, им не терпелось на маленьких драгончиков посмотреть. Сладкоежка воспринял это путешествие в штыки: – Не хочу я к маленьким бегемотикам с крыльями, мне и тут не плохо. Я знал, что драго очень капризны в выборе друзей и решил не портить себе вечер, вспомнив, что у меня есть «Дора» и полное право на отдых, и я ушёл в мир иллюзий.

Вот незаметно и прошло десять лет, десять лет снов про стройку. Закончилось время контракта, город был построен, исполнители, за исключением Темучина, отказались продлевать контракт, по религиозным соображениям. Кампанелла попросился, хоть одним глазком посмотреть на город Солнца, а то более тридцати лет отсидел в тюрьмах инквизиторов, а за что, и сам не знаю. Я уважил старика. Он целый месяц

ходил по городу, и перед отбытием сказал:

– Я видел город своей мечты! Теперь и умирать не страшно.

Он никогда не вернётся в дом сапожника и умрёт с улыбкой в Париже, в одном из красивейших городов того времени. Архимед погиб, как и большинство его трудов из Александрийской библиотеки. Война уничтожила всё, но не смогла уничтожить память о нём. А, Леонардо, мне кажется, что он и нас переживёт. Его следы я постоянно встречаю на разных планетах вселенной. Если кто вам скажет, что он умер – не верьте. Я думаю, что он изобрёл эликсир бессмертия и смеётся над нами всеми. Гении не умирают, они возрождаются в других телах и душами уходят в вечность.

Город был построен, красивый, с продуманной инфраструктурой, с заводами, заселен народом, но не радовал он глаз Гурима. Город был изначально мёртв, сотворённый из мусора и на мусоре – он не имел сердца. Городу не хватало жизни планеты. У него стали появляться новые идеи, ещё сумасброднее, чем строительство города. Гурим перешёл ко второму этапу своего плана, к строительству империи. Он вспомнил, как не верил, что сможет построить город, но разум вселенной посоветовал ему победить свой страх. Гурим знал, что Империи быть, только надо найти исполнителей. Он пластами перерывал всю историю и остановился на времени, когда боги воевали с атлантами, а демиурги спрята-

лись под землю, чтобы ненависть наивысших не спалила их. Это, как раз, было время, когда на Земле собрались все силы, способные строить вселенные. Но только время ксен выбрал неудачное, они собрались, чтоб разрушать. Гурим даже не знал в кого перевоплотиться, чтобы не попасть в мясорубку событий. Космос видимо подслушал, и подсказал ксену идею. Гурим ухватился за неё. Космосу был интересен этот паучок, а с тех пор, как разум Архимеда влился во вселенский мозг, то он, негласно, помогал проектам этого малыша, заплетающегося в собственной паутине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.